

Идеи М. В. Ломоносова в русской исторической школе

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье представлена оценка исторических идей М. В. Ломоносова в контексте русской исторической школы. Подобный вопрос в современной историографии еще не ставился. Речь идет об осмыслении феномена критического восприятия исторических взглядов Ломоносова ведущими представителями русской исторической школы XIX в. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью преодоления современного кризиса понимания истории, а также задачами развития теории исторического знания, теории исторического процесса и методологии истории.

Автор выделяет комплекс исторических идей Ломоносова: утверждение о древности славянского этноса, о древнем происхождении российского народа, положение о полицентричности российской истории, о связи полицентризма и полиэтничности, заключение о смешанном и сложном составе населения древней России, рассмотрение истории России в контексте мировой истории и др.

В статье показано, что историческое наследие Ломоносова середины XVIII в. было критически оценено представителями русской исторической школы в период ее расцвета — во второй половине XIX в. Причина этого заключается в различиях исследовательских парадигм.

Чрезмерно критичной представляется позиция С. М. Соловьева. Он критиковал Ломоносова за отсутствие системного изложения истории, анализа политических и социальных отношений. Опровергая ломоносовское историописание, Соловьев исходил из собственной исторической концепции рационально-позитивистского понимания теории и методологии историчности.

Более взвешенной являлась позиция В. О. Ключевского. Отмечая недостатки риторической истории, Ключевский объяснял их неразработанностью исследовательских методов. Его взгляд определялся уровнем критериев историзма XIX в.

По оценке автора статьи, наследие Ломоносова в российском историописании можно по достоинству оценить лишь с учетом историософской парадигмы. В исторических построениях Ломоносова закладывались основы историософской традиции России. Именно в таком ключе следует расценивать идеи мыслителя как передовые для исторического знания России середины и второй половины XVIII в. Наследие Ломоносова стало интеллектуальной основой для становления исторической науки в России.

Ключевые слова: история, русская историческая школа, М. В. Ломоносов, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, историческая наука, историософия, историческое познание.

В русской исторической школе, начиная с историзма XIX в., проявилось критическое восприятие в отношении предшествующих воззрений на исторический процесс. Объектом подобной критики в России стал в первую очередь М. В. Ломоносов за использование «исключительно литературных» приемов написания истории, сводимых к риторической систематизации фактов (Соловьев, 1998а: 254). Следует подчеркнуть, что во второй половине XIX в. риторика стала отождествляться с искажением действительности, идеализированием жизни. В. О. Ключевский назвал Ломоносова «повествовательным риториком», что объяснялось обусловленностью временем, в котором требовалось художественное изложение русской истории. По определению Ключевского, в елизаветинскую эпоху «чувствовалась потребность написать русскую историю, но еще не сознавали, что ее надо изучать и понимать» (Ключевский, 1989: 197). В подобных условиях Ломоносов применил прием оратора, чтобы «мгновенным вдохновением уловить дух русской истории». Потому история Ломоносова

получилась риторической, где размышления самого автора «ставятся в ряд» с историческими событиями (там же).

В трактовке ряда вопросов, где требовалась догадка, ум, Ломоносов высказывал блестящие идеи, которые имеют непреходящее значение для науки. В качестве таких положений называлось утверждение о смешанном составе славянских племен, а также о том, что история народа начинается раньше, чем становится общеизвестным его наименование. Однако, по словам В. О. Ключевского, «где требовалось цельное и связное изучение всего хода русской истории, там он механически связывал явления заимствованной со стороны исторической схемой: отсюда вышло сближение его русской истории с римской» (Ключевский, 1989: 197). С мнением Ключевского нельзя не согласиться. Но следует при этом отметить, что взгляд Ключевского определялся строго научными критериями периода расцвета русской исторической школы в условиях уже другого исторического времени.

Принцип историзма требует представить эпоху, в которой создавалась ломоносовская концепция, т. е. уровень состояния европейской исторической науки середины XVIII в. Ограниченность объяснения исторического процесса политическими причинами, недостаточность социально-экономических обоснований отражали уровень исторических знаний того времени. В этой связи чрезмерно критичной представляется позиция С. М. Соловьева. С одной стороны, выдающийся представитель русской исторической школы второй половины XIX в. отмечал, что в исследовании древности «иногда блестит во всей силе великий талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука после долгих трудов повторяет почти слово в слово в наше время. Здесь Ломоносов стоит так высоко потому, что этот предмет был ему вполне доступен, после тщательного изучения он мог овладеть им в полном, по тогдашнему состоянию науки, объеме» (Соловьев, 1998с: 555). Одновременно критически оценивался «сухой, безжизненный риторический перифразис летописи, подвергающейся иногда сильным искажениям» (там же), опровергалось стремление Ломоносова «перевести летопись на язык похвального академического слова» (там же: 554).

Объяснение соловьевской критической позиции в отношении Ломоносова заключалось в констатации того факта, что «историческая наука была только в зародыше на Западе» (Соловьев, 1998b: 569), в России же того времени наука находилась еще «в младенчестве» (Соловьев, 1998a: 279), а русская история — в состоянии «необработанности» (Соловьев, 1998с: 555). Отмечая, что «в эпоху начальных трудов не могло быть разделения ученых занятий» (там же: 554), Соловьев считал, что «Ломоносов не родился историком, не был приготовлен к занятию историею как наукою вообще, тем менее к занятию русскою историею, которая и для него, как для всех его современников, была доступна менее всех других знаний» (Соловьев, 1998b: 568–569). В результате, по оценке Соловьева, Ломоносов «смотрел на историю с чисто литературной точки зрения», и его можно считать основателем литературного направления, которое господствовало в течение долгого времени (Соловьев, 1998с: 554). В данной связи следует, однако, отметить, что в европейском историописании до начала XIX в. история рассматривалась как часть художественной прозы, отличавшаяся от последней манерой изложения, а характером используемого материала. В Германии, где Ломоносов проходил обучение в 1736–1741 гг., раньше, чем в других странах Европы, историю перестали рассматривать как художественную прозу, а стали видеть в ней самостоятельную науку. Ни в коей мере нельзя согласиться с утверждением Соловьева

о неготовности Ломоносова к изучению истории и некомпетентности в исторических вопросах (см.: Васильев, 2013).

Критически оценивая историческое наследие Ломоносова, Соловьев негативно воспринимал позицию в отношении истории властей предрержащих в российском государстве: «В России задачу историка поставили, по-видимому, просто, разумея красноречивое описание деяний предков. Не сознавалось, что историческое изложение находится в полной зависимости от научного, философского и политического понимания описываемого как у истока, так и у целого народа в зависимости от научного и политического развития этого народа, от его характера и способностей, от всего строя его жизни; хотели (и долго потом продолжали хотеть и даже теперь хотят) отделить от всего этого так называемое красноречивое, художественное изложение, которое само по себе имело будто бы возможность дать жизнь и красоту историческим лицам и событиям, и получали пышную, ходульную и мертвую фразу, в которой не было ни образа, ни подобия древней жизни» (Соловьев, 1998b: 569). Как рациональное следствие констатировалось: «Не имея возможности изучить вполне русскую историю, Ломоносов, разумеется, не мог уяснить себе ее хода, характера главных явлений, определяющих эпохи; поэтому он не мог представить никакой системы...» (там же).

Возражая С. М. Соловьеву, следует отметить следующее. Трудно понять саму возможность научной теоретической основы («философского понимания», по терминологии Соловьева) в историческом исследовании времен Ломоносова. Представить цельный, стройной нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории, к чему всегда стремился Соловьев, в эпоху Ломоносова было невозможно: не существовало еще теоретических (философских) оснований для подобного представления. Известно, что развитие русской философии начиналось с XIX в., захватив лишь два десятилетия XVIII в., которые определяются лишь как пролог в развитии философии в России. Возникновение же систем в русской философии относится к концу XIX — началу XX в. (Зеньковский, 1989: 23, 25, 117). В этой связи следует привести критическую оценку историко-философской концепции самого Соловьева, высказанную в конце XIX в. П. Н. Милюковым по поводу основного труда историка. По мнению Милюкова, «История России с древнейших времен» — труд «чересчур поспешно выполненный»: «за массой очевидных мелочей не было времени остановиться на существенном и главном» (Милюков, 2006: 263). Поэтому Милюков отмечал следующую особенность историописания Соловьева: его «общие взгляды» оказались «чересчур внешним образом привязанными к материалу» (там же). Автор «оставил в стороне внутренние, органические процессы народного развития» (там же). В. О. Ключевский также обращал внимание, что «рассказ» Соловьева «развивался на историко-философской основе», однако «мыслитель скрывался в нем за повествователем» (Ключевский, 1989: 332). Поэтому при «огромном количестве прочно поставленных фактов» было выдвинуто очень мало «ученых предположений» (там же: 331). При недостатке «твердых» или «достаточных» оснований Соловьев предпочитал обойти вопрос или вообще отказаться от интерпретации фактов, например в контексте теории родовых княжеских отношений (там же: 334).

Опровержение ломоносовского историописания Соловьевым осуществлялось с позиции его собственной исторической концепции и понимания теоретических и методологических подходов в русле позитивистской парадигмы — *историчности* (так она определялась). Именно поэтому ему хотелось бы видеть в ломоносовской схеме «особенного внимания» «известным отношениям» (Соловьев, 1998c: 554). Предметом

исследования Соловьева являлось развитие политических форм и социальных отношений. Историко-философская формула соловьевского рационализма — генетическое изучение форм и отношений государственного и общественного быта России. В концептуальном основании «Истории России с древнейших времен» на первом плане именно отношения: родовые княжеские отношения, государственные отношения.

Представляется, что источник критического настроения С. М. Соловьева в отношении ломоносовского исторического наследия кроется в непонимании различия исследовательских подходов: рационалистическо-позитивистская позиция Соловьева не могла воспринять историософские основания Ломоносова. Об этом свидетельствует известная характеристика Ломоносова как «историка в своих одах и поэта или ратора в истории» (Соловьев, 1998а: 277). По признанию Соловьева, история Ломоносова «поражает блистательным по тогдашним средствам науки решением некоторых частных приготовительных вопросов» (Соловьев, 1998с: 557). Однако «частные вопросы» не были характерны для парадигмы Ломоносова — именно эта особенность отличала систематический курс истории самого Соловьева. Историческая концепция Ломоносова по своему замыслу имела целью освещение не частных вопросов, а исторической судьбы всего славянского племени, российского народа, который Соловьевым, в отличие от Ломоносова, не воспринимался в качестве достойного субъекта отечественной истории. Именно Ломоносов стал создателем концепции отечественной истории, основным субъектом которой являлся *российский народ*. Постановка вопроса о народе как субъекте истории была новой для своего времени. Позднее данная идея получила научную разработку в исторической концепции В. О. Ключевского.

Образ Ломоносова как «историка в своих одах» для Соловьева, в русле его исследовательской методологии *историчности*, был понятен и близок. Ломоносовские оды, а в особенности его героическая поэма «Петр Великий» (1760–1761 гг.) являлись историческими произведениями: в них отсутствовали вымышленные образы и не было недостоверных сюжетов. Следует отметить, что по понятиям того времени героическая поэма как род литературных произведений признавался наивысшим в господствовавшем классицизме. Однако Ломоносов отказался от подражания примеру античных классиков, воспевавших вымышленных богов, а также от следования жестким канонам жанра, установленным основоположниками французского (Никола Буало) и немецкого (Иоганн Готшед) классицизма, которые заменяли исторических персонажей абстрактными или аллегорическими фигурами, содержали обязательные мифы, легенды, вымысел и выдумку в качестве сюжетных украшений. Сюжет ломоносовской поэмы составили «истинные дела», т. е. подлинные исторические события. Свойственный европейским классицистам пафос картезианской рассудочности заменялся гражданским пафосом. Впоследствии пушкинская «Полтава» стала продолжением жанра русской героической поэмы, основанной благодаря новаторскому подходу Ломоносова. В разработке ломоносовской поэмы исторические источники использовались автором исключительно с целью воспроизведения исторической правды. В поэме ставились также историко-философские концепты. Примером может быть выяснение Ломоносовым вопроса, обращенного к древности, в которой, на его взгляд, заключен источник «вещей и чудных дел»: «Тебе их бытие известно все единой: / Что приращению оружия причиной?» (Ломоносов, 1986: 295).

Не имея наследия величайших предшественников в русской исторической школе, начиная с Ломоносова, осветивших в своих произведениях темноту отечественной древности, Соловьеву было бы крайне сложно создать свое многотомное сочине-

ние с примечательным названием — «История России с древнейших времен» (курсив наш. — Ю. В.). Подтверждением данного мнения может быть свидетельство В. О. Ключевского, изложенное в историографических очерках, посвященных памяти С. М. Соловьева: «В повествовании о времени, следовавшем за смертью Петра, по мере того, как оскудевал запас подготовительных трудов в русской исторической литературе и историк оставался один перед громадным сырым материалом... “История России” все более переходила к летописному, погодному порядку изложения...» (Ключевский, 1989: 342). Еще одним свидетельством заслуг Ломоносова, оставленных последователям, может быть названо созвучие оценок Ломоносова и Соловьева в отношении Петра I. В восприятии Соловьева, как и ранее Ломоносова, Петр Великий — «колоссальный образ», величайший из исторических деятелей (там же: 341, 342).

Следует также отметить, что в оценках Соловьева положительно оценивались отдельные элементы ломоносовского подхода, которые могут быть отнесены к историософии, в частности «ясность смысла» в сочинениях Ломоносова, теоретически «отвлеченное» представление событий древней истории как событий «всякой другой истории» (Соловьев, 1998b: 569; 1998c: 555). Последнего недоставало уже в сочинениях Соловьева, за что критике подвергался он сам. Следует подчеркнуть, что оценки Соловьева в отношении Ломоносова не имели серьезного политического или идеологического подтекста. Последний появился в изложении марксистов в XX в. Так, по сути повторяя оценочную версию Соловьева, русский марксист Г. В. Плеханов акцентировал внимание на якобы некомпетентности Ломоносова «в общественных вопросах», в которых «он разбирался не очень хорошо» (не так, как хотелось марксистам. — Ю. В.), поэтому признавалось, что в данной области идеи Ломоносова «не были ни глубоки, ни оригинальны» (Плеханов, 2011: 588).

Представляется, что наследие Ломоносова в российском историописании можно по достоинству оценить лишь с учетом историософской парадигмы. Основы историософской традиции в России, хронологически предшествовавшей теоретико-методологическому подходу, проявились во всех исторических построениях Ломоносова. Именно в этой области гипотезы и догадки великого российского мыслителя позволяют рассматривать комплекс его идей в качестве передового интеллектуального знания в области истории середины и второй половины XVIII в. В этой связи примечательно мнение Ломоносова о том, что сочинение российской истории «есть дело, не всякому историку посильное. Ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода. Ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии» (Ломоносов, 1957: 148). Подход Ломоносова в области познания соответствовал общей тенденции русской интеллектуальной мысли, проявившейся во внимании к проблемам историософии, обращенности к вопросам о *смысле* истории (Зеньковский, 1989: 18).

Современное понимание истории позволяет позиционировать М. В. Ломоносова как выдающегося историка. Комплекс идей, предложенных русским мыслителем, актуален и сегодня: он создал основу для последующего научного осмысления древнерусского периода истории России. В числе значимых идей Ломоносова — освещение российской истории в контексте истории славян и в мировом историческом процессе. В данном направлении Ломоносов сформулировал целостное для своего времени представление о происхождении славян, русского народа, древнерусского государства. Русская история определялась в качестве важной части мирового исторического процесса, отмечалась значимая роль русского народа в мировой истории. В соответ-

ствии с просветительской традицией Ломоносов рассматривал отечественную историю в контексте ее культуры, принадлежности к цивилизации, альтернативной варварству. Научно обоснованы идеи о древности славянских народов в Европе и о значительной роли славян в общеевропейской и мировой истории, об участии славян в Великом переселении народов, об их исторической роли в падении и разрушении Римской империи, хронологически определяющей переход Европы от Античности к Средневековью. Исторической наукой подтверждены идеи о скифах и сарматах как древних обитателях России, о складывании древнерусской народности на полиэтнической основе, о смешанной этнической природе населения России, образованной в процессе исторической эволюции, о древности русского народа и наличии у него самостоятельной культуры, о сложном составе русского народа, образовавшегося за счет смешения славянских и финно-угорских племен. Исторический опыт Ломоносова предвосхитил принцип историзма XIX в.: истоки идентичности нации, народа, социального института находятся в их прошлом.

Использование Ломоносовым телеологического метода в разработке истории, как правило, оценивается односторонне и подменяется проявлением патриотизма (в различных вариациях, в зависимости от политических и идеологических взглядов авторов: от «горячего» или «глубочайшего» патриота до «националиста»). Однако далеко не все так просто. В исторических концептах Ломоносова превалирует телеологизм вольфовского направления. Несомненно, Ломоносов был ярким патриотом своего Отечества, утверждавшим величие и славу своей Родины. Это был патриотизм национальный, народный, но не лубочно-имперский. В ломоносовском патриотизме проявились качества поморского характера и духа как неповторимого типа русского человека, в становлении мировоззрения которого лес и вода явились определяющими началами родного мироздания, дополненные отсутствием ментальных архетипов крепостного права и монголо-татарского ига. Таково авторское восприятие личности Ломоносова, основанное на личном отношении к истокам собственной поморской идентичности.

Определение Ломоносова в качестве лидера антинорманнского направления в русской историографии, а также утверждение о том, что взгляд Ломоносова на историческую науку формировался исключительно в борьбе с норманистами и норманизмом, представляются упрощенными и односторонними, отягощенными политизированной заикленностью на борьбе норманизма и антинорманизма по принципу разделения двух лагерей на «свой» и «чужой». Сам спор приобрел формат теорий гораздо позднее — лишь в XIX в. Варяжская проблема, не связанная у Ломоносова с началом русской истории, по сути, являлась второстепенной для Ломоносова: он отставив не хронологическую определенность российской государственности, а древность, самобытность славян и русской культуры. История России для него — это прежде всего история российского народа, начавшаяся задолго до возникновения государственности. Позиция Ломоносова в отношении к «варяжскому вопросу» позднее получила созвучную интерпретацию В. О. Ключевского, который выступал против положения, что в этом вопросе следует искать ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев, Ю. А. (2013) Какое гуманитарное образование получил М. В. Ломоносов? // Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция. Москва, 14–16 нояб-

ря 2013 г. : доклады и материалы. Круглый стол «Мифы и история». М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 154 с. С. 50–63.

Зеньковский, В. В. (1989) История русской философии : в 2 т. 2-е изд. Париж : YMCA-PRESS. Т. 1. 470 с.

Ключевский, В. О. (1989) Лекции по русской историографии // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. М. : Мысль. Т. 7. 512 с. С. 185–388.

Ломоносов, М. В. (1957) Полн. собр. соч. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 10. 934 с.

Ломоносов, М. В. (1986) Петр Великий. Героическая поэма // Ломоносов, М. В. Избр. соч. М. : Наука. Т. 2. История. Филология. Поэзия. 496 с. С. 267–296.

Милуков, П. Н. (2006) Источники русской истории и русская историография // Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : Эксмо. 704 с. С. 249–268.

Плеханов, Г. В. (2011) М. В. Ломоносов // М. В. Ломоносов: pro et contra (Личность и творчество М. В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей). СПб. : Изд-во РХГА. 1120 с. С. 582–603.

Соловьев, С. М. (1998a) Соч. : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс. Кн. 12. Т. 23. История России с древнейших времен. 736 с.

Соловьев, С. М. (1998b) Соч. : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс. Кн. 13. Т. 26. История России с древнейших времен. 668 с.

Соловьев, С. М. (1998c) Соч. : в 18 кн. М. : Голос ; Колокол-Пресс. Кн. 15. 599 с.

Дата поступления: 10.03.2014.

THE IDEAS OF M. V. LOMONOSOV IN THE RUSSIAN HISTORICAL SCHOOL

YU. A. VASILIEV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article is an assessment of the historical ideas of Mikhail V. Lomonosov in the context of the Russian historical school. The author presents the problem, which has not yet been specifically addressed in modern historiography. It is about understanding the phenomenon of critical perception of Lomonosov's historical views by leading representatives of the Russian historical school of the 19th century. The urgency of this problem is caused by the need to overcome the present crisis of understanding of history as well as the problems of particular importance for the development of the theory of historical knowledge, the theory of historical process and the methodology of history.

The author highlights the complex of Lomonosov's historical ideas such as the assertion of the antiquity of the Slavic ethnic group, the ancient origins of the Russian people, the statement of a polycentric system of Russian history, the connection between polycentrism and multi-ethnicity, the deduction about a mixed and complex population of ancient Russia, the review of the history of Russia in the context of world history, etc.

The article states that Lomonosov's historical legacy from the middle of the 18th century was subject to critical evaluation by representatives of the Russian historical school in the second half of the 19th century, the time of its prosperity. The reason for this is determined by the difference in the research paradigms.

In this regard, the view of Sergey M. Soloviev is positioned as the most critical one. He was criticizing Lomonosov for the lack of a systematic presentation of history and an analysis of political and social relations. Refuting Lomonosov's historiography, Soloviev drew on his own historical concept of the rational and positive understanding of the theory and methodology of history.

Vasily O. Klyuchevsky's view on Lomonosov's heritage seemed more deliberate. Noting the shortcomings of rhetorical history, Klyuchevsky justified them by the weakness of research methods. His viewpoint was determined by the level of criteria of the 19th century historicism.

According to the author, Lomonosov's legacy in Russian historiography can be appreciated only by considering a historiosofic paradigm. The historical schemes of Lomonosov laid the foundations of the historiosofic Russian tradition. It is in this context one should regard the thinker's advanced ideas

for the historical knowledge of Russia of the middle and the second half of the 18th century. Lomonosov's heritage became the intellectual foundation for the emergence of historical science in Russia.

Keywords: history, Russian historical school, M. V. Lomonosov, S. M. Soloviev, V. O. Klyuchevsky, historical studies, historiosophy, historical cognition.

REFERENCES

Vasiliev, Yu. A. (2013). Kakoe gumanitarnoe obrazovanie poluchil M. V. Lomonosov? [What Kind of Humanities Education Did M. V. Lomonosov Acquire?]. In: *Vysshee obrazovanie dlia XXI veka: X Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva, 14–16 noiabria 2013 g.* [Higher Education for the 21st Century: The 10th International Scientific Conference. Moscow, 14–16 November 2013]: Reports and Proceedings. Kruglyi stol «Mify i istoriia» [Round table «Myths and History»]. Moscow, Moscow University for the Humanities Press. 154 p. Pp. 50–63. (In Russ.).

Zenkovsky, V. V. (1989) *Istoriia russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy.]: in 2 vols. Paris, YMCA-PRESS. Vol. 1. 470 p. (In Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (1989) *Lektsii po russkoi istoriografii* [Lectures on Russian Historiography]. In: Klyuchevsky V. O. *Sochineniia* [Works]: in 9 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. VII. 512 p. Pp. 185–388. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1957) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow; Leningrad, The USSR Academy of Sciences Press. Vol. 10. 934 p. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1986) Petr Velikii. Geroicheskaia poema [Peter the Great. A Heroic Poem]. In: Lomonosov M. V. *Izbrannye sochineniia* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ. 496 p. Vol. 2. *Istoriia. Filologiya. Poeziia* [History. Philology. Poetry]. Pp. 267–296. (In Russ.).

Plekhanov, G. V. (2011) M. V. Lomonosov [M. V. Lomonosov]. In: *M. V. Lomonosov: pro et contra (Lichnost' i tvorchestvo M. V. Lomonosova v otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei)* [M. V. Lomonosov: Pro et Contra (The Personality and Creative Works of M. V. Lomonosov in the Evaluations of Russian Thinkers and Researchers)]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press. 1120 p. Pp. 582–603. (In Russ.).

Milyukov, P. N. (2006) *Istochniki russkoi istorii i russkaia istoriografiia* [The Sources of Russian History and Russian Historiography]. In: Brockhaus F. A., Efron I. A. *Rossia. Illiustrirovannyi entsiklopedicheskii slovar'* [Russia. An Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Eksmo Publ. 704 p. Pp. 249–268. (In Russ.).

Soloviev, S. M. (1998a) *Sochineniia [Works]: in 18 books. Book 12. Vol. 23. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [The History of Russia from Ancient Times]. Moscow, Golos Publ.; Kolokol-Press. 736 p. (In Russ.).

Soloviev, S. M. (1998b) *Sochineniia [Works]: in 18 books. Book 13. Vol. 26. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [The History of Russia from Ancient Times]. Moscow, Golos Publ.; Kolokol-Press. 668 p. (In Russ.).

Soloviev, S. M. (1998c) *Sochineniia [Works]: in 18 books. Book 15.* Moscow, Golos Publ.; Kolokol-Press. 599 p. (In Russ.).

Submission date: 10.03.2014.

Васильев Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: historymosgy@mail.ru

Vasiliev Yuriy Albertovich, Doctor of Science (history), professor, professor of the History Department, Moscow University for the Humanities. Postal address: B. 3, 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: historymosgy@mail.ru